

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА И НАРАСТАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

В статье рассматриваются основные цели и направления аграрной политики самодержавия в Сибири в начале XX века. Основное внимание уделяется проблемам, сложностям и противоречиям при проведении земельных преобразований в сибирской деревне, закономерно вызывавших рост протестного движения крестьянства.

Ключевые слова: аграрная реформа, захватническое землепользование, переселенческая политика, поземельное владение, землеустройство, протестное движение, социальная напряженность.

V.N. Shevchenko

THE STOLYPINAGRARIAN REFORM AND THE SOCIAL TENSION INCREASE IN THE SIBERIAN VILLAGE

The main objectives and directions of the autocracy agrarian policy in Siberia at the beginning of the XX century are considered in the article. The main attention is given to the problems, difficulties and contradictions during the land reform in the Siberian village that naturally caused the growth of the peasantry protest movement.

Key words: agrarian reform, predatory land use, immigration policy, landownership, land management, protest movement, social tension.

В современной России вокруг, безусловно, талантливой политической фигуры П.А. Столыпина и проводимых им преобразований в аграрном секторе экономики разгорелось немало споров, высказывались разные мнения о ходе и результатах аграрных преобразований. Если политический истеблишмент в целом поднимает на «щит» П.А. Столыпина, ибо его реформаторская деятельность сродни современным преобразователям России, то среди историков, занимающихся изучением аграрных преобразований, сделанное им оценивается неоднозначно. Характерно, что господствующая сегодня точка зрения ряда историков на столыпинскую реформу по существу повторяет версию, широко распространённую в 50–60-е годы в западной историографии.

История интенсивного освоения сибирских окраин царской России начала XX века довольно подробно рассматривается в многочисленных трудах отечественных историков-аграрников Л.М. Горюшкина, Л.Ф. Склярова, В.А. Степынина, С.М. Сидельникова, Е.И. Соловьева, В.Н. Разгона, В.Г. Тюкавкина и др. Однако многие вопросы по-прежнему остаются малоизученными. В условиях нездорового ажиотажа вокруг неоспоримых успехов столыпинских аграрных преобразований как бы в «тени» остаются многие проблемы, связанные прежде всего с нарастанием протеста сибирского крестьянства против проводимой землеустроительной политики в сибирской деревне.

Дальнейшее углубленное изучение данной проблемы дает возможность более объективно оценивать сложившуюся ситуацию в сибирской деревне в ходе проводимых земельных преобразований начала XX века и на этой основе более трезво и реалистично подходить к решению практических вопросов в аграрном секторе экономики сегодняшнего дня.

Революция 1905–1907 гг. заставила царское самодержавие приступить к разрешению аграрного вопроса, составной частью которого являлась переселенческая политика. По замыслу правительства, это давало возможность решить сразу три проблемы: во-первых, обеспечить быстрое заселение и освоение огромных необжитых территорий за Уралом, на которые с воодушевлением поглядывали отнюдь не дружественные соседи – Япония и Китай; во-вторых, решить проблему малоземелья в европейской части страны за счёт переселения избыточного сельского населения и наделения их землёй из казённого фонда на территории за Уралом, где, по подсчётам Министерства земледелия и землеустройства, имелось не менее 50 млн десятин земли, пригодных для организации крестьянских хозяйств¹; в-третьих, снизить социальную напряжённость в российской деревне за счёт удаления на окраины империи «горючего материала» из числа наиболее активной и обездоленной части российского крестьянства.

В Сибири не было сколь-нибудь заметного помещичьего землевладения, а вся земля делилась на казённую, кабинетную и монастырскую. Само же землепользование носило «захватнический характер», когда крестьяне «оседали» на «лучших землях» и осваивали её в любых возможных количествах. «Захватническое землепользование» привело к тому, что к началу массового переселения в 1906 г. на одну приписную душу

¹ Якименко Н.А. Аграрная миграция в России // Вопросы истории. 1983. С.19–20.

мужского пола в среднем на казённых землях в Томской губернии приходилось более 40 десятин пашни, в Енисейской губернии – 32 десятины, в то время как в Центрально-Чернозёмном районе России всего 2,9 десятины². Землепользование в Сибири характеризовалось не только отсутствием твёрдой и постоянной нормы, но и поддержанием в нем общинного уклада, без переделов и утеснений личной инициативы крепких хозяев. Основой хозяйственной деятельности сибирского крестьянства являлась семейно-трудовая единица, столь успешно зарекомендовавшая себя на протяжении веков в суровых условиях Сибири.

Характерно, что практика «захватнического землепользования» нашла своё широкое применение у первых переселенцев «столыпинской волны». Они самовольно захватывали и засеивали на отведённых участках до 30–40 десятин земли на одну семью, а последующим переселенцам доставалось от силы 5–10 десятин. В дальнейшем, после полного заселения участков, внутри вновь образованных крестьянских общин начинается ограничение захватнического землепользования, что неизбежно сопровождалось усилением социальной напряжённости в среде крестьянства новосельских посёлков.

Неурегулированность крестьянского землепользования в Сибири, неограниченность земельных наделов – с одной стороны, постоянно усиливавшийся поток переселенцев после отмены крепостного права – с другой, вызывали необходимость развернуть землеустроительные работы. С этой целью правительством был разработан и принят ещё 23 мая 1896 г. закон о поземельном устройстве сибирских крестьян, который должен был решить земельный вопрос в будущем за счёт нормирования землепользования и создания государственного резервного земельного фонда. Характерно, что создание земельного фонда первоначально предназначалось не для заселения переселенцами, а для сохранения земли для будущего роста населения из числа семей старожилов и первых переселенцев. Всего за период 1896–1905 гг. было выделено 2800 участков на 618958 душевых долей мужского пола. Большая часть участков была сосредоточена в Западной Сибири: в Тобольской губернии – 716 участков, в Томской – 557, тогда как в Енисейской губернии было выделено немногим более 570 участков³.

По замыслу правительства, основной поток переселенцев предлагалось направить в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Однако подавляющая масса переселенцев, особенно самовольно переселявшихся, предпочитала оседать в уже обжитых местах Урала и Западной Сибири, нежели заниматься освоением безлюдных лесных просторов Дальнего Востока. В результате одни районы Зауралья оказались переполненными переселенцами, другие по-прежнему оставались пустующими.

Неравномерность заселения была характерна и для наиболее осваиваемых районов Сибири. Так, из общего количества переселенцев в Сибирь около 54,4 % оседало в Томской губернии, из которых 48 % устраивалось в Алтайском округе, где были наиболее плодородные земли и относительно благоприятные природно-климатические условия для земледелия⁴. Поэтому в районах наибольшей концентрации переселенцев постепенно стала создаваться неестественная для Сибири ситуация – относительное малоземелье, и даже безземелье.

В порядок землепользования правительство не особенно вмешивалось, предоставляя самим переселенцам выбирать по их желанию общинное, подворное или хуторское. Из 447 обследованных в 1911–1912 гг. переселенческих поселков общинная форма землепользования была выбрана в 413 поселениях, подворная – в 8, хуторская – в 26⁵. Преобладание общинного землепользования свидетельствовало как о живучести общинных традиций у выходцев из великорусских губерний восприятия ими частной собственности на землю, данную богом, как несправедливой, так и возможности сообща лучше осваиваться на новых местах и противостоять проведению непопулярных мер правительства в землепользовании. Наличие же подворного и хуторского землепользования объясняется тем, что среди переселенцев было немало выходцев из различных губерний империи (Малороссии, Прибалтики), привыкших вести единоличное хозяйство.

Согласно инструкции Переселенческого управления, вновь приезжающие должны были селиться на специально отведённых для них свободных участках земли, а не в селах старожилов. Однако темпы переселения и численность переселенцев часто приводили к тому, что вновь прибывавших, по существу, некуда было распределять. Так, Томская переселенческая организация только в мае 1907 г. приступила к заготовке земельного фонда, в то время как уже только за этот месяц прибыло 85890 переселенцев. В отчёте за 1907 г. заведующий Томским переселенческим районом Шуман признаёт, что в этом году, по самому скромному подсчёту, со стороны переселенцев предъявлен спрос на 500 тыс. душевых долей⁶. Сложившееся положение объяснялось не только и не столько недостатком чиновников для проведения землеотводных

² Казарезов В.В. П.А.Столыпин. История и современность. Новосибирск, 1991. С. 90; Горюшкин Л.М., Боганова Г.А., Ноздрин Г.А. Опыт народной агрономии. Новосибирск, 1993. С. 32.

³ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С.258–259.

⁴ Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 256; История Алтая. Ч1. Барнаул, 1985. С. 258.

⁵ Тюкавкин В.Г. Характер аграрных отношений в Сибири в начале XX в.// Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. С.177–178.

⁶ Соловьёв Е.И. Из истории столкновения переселенческих хозяйств Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 294–295.

работ, сколько существовавшей системой управления, не способной реализовать свои же принимаемые решения.

Острая нехватка выделяемых земельных участков заставляла чиновников отправлять одних переселенцев на государственные и кабинетские земли, которые подлежали отчуждению у старожилов и коренных жителей, других – в старожильческие деревни на доселение, где они могли устроиться по приёмным договорам. Однако в условиях громадного притока переселенцев и всё более усилившегося спроса на землю старожилы если и принимали вновь прибывавших, то за очень высокую приёмную плату. Учитывая, что землеустроительными органами предписывалось обязательное доведение душевой нормы до 15 десятин для переселенцев, им стали выделять нередко неудобные земли на отчуждаемых участках и далеко не лучшего качества.

Начавшееся ограничение земельных наделов резко усилило противостояние между старожилами и переселенцами, нередко доходившее до самоуправства и насилия: от отказа выделять землю доприселенцам до изъятия у них уже освоенных ими земель, земледельческих орудий, построек и т.п.

Усиление темпов колонизации Сибири остро поставило перед правительством вопрос об ускорении работ по пересмотру норм землепользования. Законодательство 1908–1910 гг. в отношении землеустройства в Сибири сводилось к ограничению наделной земли на одну мужскую душу в 15 десятин. При составлении проектов земельных наделов преследовалась благая цель уравнительного землепользования. Однако реализовать на практике это было невозможно как по причине наличия в каждой семье разного числа лиц мужского пола, так и по причине различного качества земельных наделов, которое имело ключевое значение в земледелии. Слабая изученность заселяемых земельных районов, разнообразие почвенных условий требовали проведения различного рода агротехнических мероприятий, для осуществления которых необходимы были как огромные средства, так и подготовленные кадры специалистов, которых в целом не хватало.

Проводимая аграрная политика в Сибири с массовым переселением крестьянства на окраины вызвала сокращение подземельного владения старожилов. Массовые отрезки предполагаемых излишков началось еще до начала землеустройства новосёлов. В результате подземного устройства (без учета землеотводных работ) у сибирских крестьян было отрезано 17,6 % земель. Душевая норма сократилась в целом на 50 %, а в некоторых районах наибольшего заселения новосёлами в 3–4 раза. По сравнению с дореформенным периодом резко возросло количество неудобных для использования земель, доля которых, например, в Енисейской губернии возросла с 7,8 до 32,1 %⁷.

Аграрная реформа резко обострила вопрос о лесопользовании, столь важный для всей жизнедеятельности сибирского крестьянства, и особенно для переселенцев. По закону, лесной надел, который отводился «по мере возможности», также подвергался сокращению, а в некоторых районах, особенно в лесостепной зоне, крестьяне фактически оставались без лесных наделов. Более того, правительство стремилось извлечь выгоду из своей монополии на лес. Так, был прекращён льготный и бесплатный отпуск леса для переселенцев и старожилов, находившегося в ведении казны, крестьянам запрещался бесплатный сбор грибов, ягод, кедрового ореха в казённых лесах, что закономерно вызывало возмущение крестьян.

Развитие рыночных отношений усилило стремление крестьян к обособлению, индивидуализации своих хозяйств. До 1910 г. размежеванию земли на хутора и отруба в Сибири правительство не уделяло особого внимания. После посещения П.А. Столыпиным Сибири в переселенческой политике был взят курс на развитие и поддержку «крепкого мужика». При проведении политики ограничения возникновения общин на новых переселенческих участках, всемерное поощрение и поддержку получали крупные земельные хозяйства заимочного типа. В феврале 1911 г. Переселенческое управление потребовало от местных органов власти изменить порядок образования переселенческих участков в сторону подготовки хуторов и отрубов для единоличного пользования, на которые должно было отводиться не менее одной трети колонизационного земельного фонда. Начиная с 1912 г. стали увеличиваться ассигнования на проведения внутри наделного размежевания.

Однако, как показала практика, выделяемых средств в виде кредитов, явно не хватало. Недостаток государственных кредитов в определённой мере удавалось компенсировать за счёт средств старожилов и переселенцев. В Томской губернии, к примеру, ещё до начала массового устройства хуторов и отрубов (к 1911г.) старожилы провели межевание в 686 селениях, а переселенцы – в 150 посёлках. За 1908–1915 гг. здесь было проведено размежевание в 2223 селениях из имевшихся 4310, что составило 51,5 % всех селений губернии. Было создано 2449 хуторов и 10728 отрубов. Всего же в Сибири в ходе внутринаделного размежевания было создано 5392 хутора и 66408 отрубов. Однако этот процесс не был закончен вплоть до

⁷ Козут М.Т. Борьба сибирских крестьян против поземельного устройства между двумя буржуазно-демократическими революциями и в России // Ленин-социализм-перестройка: мат-лы Всесоюз. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения В.И. Ленина. Красноярск, 1990. С.104.

1917 г. В этой же Томской губернии из-за нехватки средств осталось неудовлетворённым ходатайство о внутринадельном размежевании 623 селений общей площадью 2426537 десятин земли⁸.

Чем глубже разворачивались аграрные преобразования в Сибири, тем чаще крестьяне предъявляли свои претензии к правительству, усиливали свой протест против землеустроительной политики, называя её разорительной и губительной. Большинство протестов было связано с тем, как земля делится. Крестьяне были недовольны проводимыми землеустроительными работами, которые нередко не согласовывались с пожеланиями крестьян, от лица которых выступали выбранные на сходах уполномоченные. Да и сами уполномоченные, подавая прощения и жалобы от имени крестьян, нередко преследовали свои личные цели. Составители проектов размежевания, среди которых немало было людей, имевших весьма отдалённое представление о земледелии, далеко не всегда учитывали разнообразные почвенные условия отводимых наделов, количество имевшихся неудобных земель. При проведении землеустроительных мероприятий нередко «забывалось» о так называемых «прибыльных душах» из числа новосёлов и естественного прироста населения.

Следует отметить, что во внутринадельном размежевании были заинтересованы все слои сибирского крестьянства, причём каждый из них преследовал свои цели. Зажиточные старожилы стремились сохранить, а новосёлы и бедняк-середняцкие слои требовали прироста пахотных и сенокосных угодий, лесных наделов, недостаток которых возникал в результате «изъятия» излишков. Получив свой надел, бедняк довольно часто его перепродавал или сдавал в аренду богатым односельчанам. Неправедный делёж земли нередко приводил к разорению старожилов.

Как и все преобразования, проводимые в России «сверху», аграрная реформа сопровождалась всплеском коррупции. Казнокрадство в сочетании с откровенным грабежом чиновничье-бюрократического аппарата, выборных сельских уполномоченных и старост, волостной старшины, писарей стало обычным явлением. Стремясь «урвать» свою долю, они вымогали взятки у переселенцев при получении участка под заселение, за водворение переселенцев в старожильческие общины, за выдаваемую ссуду переселенцам и т.п. Многочисленные злоупотребления наблюдались при проведении работ по изъятию излишков землемерами, топографами и другими землеустроителями. Об этом писали в своих многочисленных прошениях, жалобах крестьяне, это признавали и некоторые царские чиновники. Бывший помощник начальника Алтайского горного округа А.В. Розанов в своём письме в Департамент полиции от 23 апреля 1913 г. признавал, что при проведении землеустройства на Алтае правонарушения, взяточничество достигли «невообразимых» размеров⁹.

Проводимая аграрная реформа и сопровождающие её негативные явления закономерно вызвали у сибирских крестьян и переселенцев подъём протестного движения. С 1910 г. начинается рост крестьянских волнений в Сибири. С января 1910 г. по август 1914 г. зарегистрировано 1529 крестьянских выступлений, что более чем в два раза превышает уровень за период 1907–1909 гг. Особый размах и упорство крестьянского протеста наблюдались в районах, куда устремлялся основной поток переселенцев и где были проведены наиболее крупные урезания в землепользовании. Так, в Томской губернии с июля 1907 по 1914 г. было зарегистрировано 856 случаев выступлений крестьян, что составляло 43 % всех крестьянских выступлений за этот период, причём более 60,7 % приходилось на Барнаульский уезд, наиболее интенсивно колонизируемый район кабинетских земель¹⁰.

Проводимая переселенческая политика, землеустройство и внутринадельное размежевание вызвали социальную напряженность внутри сибирской деревни, противостояние крестьянства в целом власти. Кроме возникшего противостояния старожилов против доселенцев, внутри старожильческих селений обострилась борьба между бедняк-середняцкой массой и зажиточными крестьянами. Пользуясь тем, что на Сибирь не было распространено законодательство о разрушении общины, бедняки и середняки на деревенских сходах не давали согласия на выход из общины зажиточным хозяевам на хутора и землеустройства приписанных к их обществам хозяев заимок. Сокращение поземельного владения старожилов толкало их нередко на захват выделенных для переселенцев участков, что вызывало столкновения прежде всего между разорившимися старожилами и переселенцами. Напряженная ситуация складывалась и в переселенческих посёлках как по поводу ведения хозяйства (общинное, единоличное), так и по национальным, религиозным и бытовым вопросам.

Неразумно проводимая политика по землеустройству и внутринадельному размежеванию вызвало сопротивление всего «крестьянского мира» властям. Основными формами пассивного сопротивления были отказ крестьян давать рабочих для проведения землеустроительных работ, отказ принимать урезанные

⁸ Манжуров А.С. Внутринадельное межевание в переселенческих посёлках в Западной Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. – 1917 год). Красноярск, 1982. С. 48; Асалханов И.А. Сельское хозяйство в Сибири в конце XIX начале XX века. Новосибирск, 1975; История Сибири. Л., 1968. С. 305–306.

⁹ Сидельников С.М. Указ. соч. С. 257.

¹⁰ Ноздрин Г.А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX начале XX века // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. История. 2005. С. 149.

земельные наделы и лесные участки, уничтожение межевых знаков и т.п. Так, дважды крестьяне д. Песьяной Каменской волости Ишимского уезда (1903 и 1907 г.), д. Моршихинской Курганского уезда (1905–1908 гг.), д. Большаковой Пятковской волости Ялуторовского уезда (1911–1912 гг.) Тобольской губернии отказывались на сходах принимать отводимые земли и продолжали пользоваться наделами на прежних основаниях. Уничтожение межевых знаков в первые годы реформ стало настолько распространённым, что сибирская администрация поставила вопрос о специальном законодательстве для наказания за подобные явления¹¹.

Угрозы по применению насилия со стороны властей крестьянам, сопротивлявшимся землеустроительной политике самодержавия, не заставляли долго ждать. В 1910 году из-за отказа крестьян д. Локшиной Ужурской волости Ачинского уезда Енисейской губернии давать рабочих при проектировании отрезок, дело дошло до ареста участников схода за «злонамеренное противодействие межеванию вплоть до уничтожения межевых знаков»¹².

Конечно, по размаху и остроте борьбы крестьянское движение в Сибири уступало выступлениям в европейской части страны в период революции 1905–1907 гг. Большинство крестьянских выступлений носило стихийный, локальный характер. Даже если волнения охватывали целый ряд деревень, крестьяне этих селений редко были связаны между собой. Однако по мере форсирования колониационного процесса крестьянское движение всё более усиливалось. На смену пассивному сопротивлению крестьяне всё чаще стали применять самовольный захват казённых земель, рубку казённого леса, оказывать вооружённое сопротивление при проведении ограничения землепользования, нередко приводившего к кровопролитию. Так, если за период с июня 1907 по 1909 г. в среднем в год проходило 26 крестьянских выступлений, то с начала 1910 г. по июнь 1914 г. было зарегистрировано 124 случая ежегодного сопротивления проводимому землеустройству. За период с января 1910 г. по август 1914 г. произошло 1529 крестьянских выступлений против проводимой аграрной реформы в Сибири, что почти в два раза больше, чем в 1907–1909 гг.¹³

Крестьяне стали всё шире применять радикальные способы противодействия властям, вплоть до вооружённого сопротивления. Если в 1905–1907 гг. выступлений с вооружённым сопротивлением властям было зафиксировано только в 3 случаях, то 1908–1916 гг. – более 10 случаев. В результате кровавого противостояния крестьянства с властью только в Томской губернии за 1908–1916 гг. погибло 25 полицейских, чинов лесной стражи, сельской стражи и других представителей власти, 89 человек получили ранение или были избиты. Потери крестьян за этот период составили 13 человек убитыми и 14 ранеными. Настоящая война развернулась в мае 1914 г. между крестьянами с. Травное Барнаульского уезда Томской губернии и властями. В ответ на отрезку 49 огородов крестьяне вооружились ружьями и колющими, разгромили контору лесничества и убили 4 стражников. Через месяц в Новочихинской и Касмоленской волостях Барнаульского уезда при попытке сколотить сено на кабинетских землях развернулось целое сражение, в ходе которого было убито 9 крестьян и 8 полицейских чинов¹⁴.

Столыпинская аграрная реформа, безусловно, дала мощный толчок хозяйственному освоению Сибири. Значительное увеличение объемов зернового производства, определённый прогресс в культуре земледелия, улучшение жизненного уровня определённой части сельского населения не означали, однако, процветания всей сибирской деревни.

Проводимые волюнтаристскими методами, без надлежащей научной проработки и учета мнения крестьян, аграрные преобразования в Сибири неизбежно были обречены на крупные провалы. Поземельное устройство не учитывало специфику сельскохозяйственной деятельности в условиях Сибири, реакцию крестьянства на проводимые преобразования, что объективно способствовало накоплению в сибирской деревне недовольства и социальной напряжённости. Социальный взрыв в условиях приближавшейся войны удалось предотвратить. Но накопившийся в сибирской деревне «горючий материал» в условиях стремительного обогащения слоя «крепких хозяев» и противостоящего ему численно превосходящего слоя бедняков и батраков, прежде всего из числа переселенцев, имевших опыт революционной борьбы и всегда готовых оказывать сопротивление произволу чиновников и «мироедов», нашел свой выход в 1917 г.

¹¹ Когут Н.Т. Указ. соч. С.105–106.

¹² Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

¹³ Ноздрин Г.А. Указ. соч. С.144, 148–149.

¹⁴ Шиловский Д.М. Крестьянские выступления 1861–1916 гг. в Томской губернии как форма правонарушений // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск, 1999. С.48–49.